

Эсхинъ говоритъ объ обманывающей сердце мечтѣ, о счастіи, и спрашиваетъ друга—не та же ли участь постигла и его?

Теонъ указалъ, вздыхая, на гробъ...

„Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,

Что боги для счастья послали намъ жизнь,—

Но съ нею печаль неразлучна.

О нѣтъ, не роищу на Зевесовъ законъ;

И жизнь, и вселенна прекрасны,

Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ сложныхъ

Я видѣлъ земное блаженство. [мечтахъ

Что можетъ разрушить въ минуту судьба,

Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше.

Но сердца негнѣнные блага: любовь

И сладость возвышенныхъ мыслей—

Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.

Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;

Любовью моя освѣтилась душа,

И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ

Ястѣ великость творенія:

Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ

Къ прекрасной возвышенной цѣли.

Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!

Но счастье, вдвоемъ столь живое,

Навѣки ль исчезло? И прежніе дни

Вотще ли столь были прелестны?

О, нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;

Для сердца прошедшее вѣчно;

Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;

Надъ сердцемъ утрата безсильна.

И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эсхинъ,

Обѣтъ неизмѣнной надежды:

Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,

Погибшее намъ возвратится?

Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,

Уже одинокимъ не будетъ...

Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—

Онъ тотъ же: все ея онъ полонъ.

По той же дорогѣ стремлюсь я одинъ.

И къ той же возвышенной цѣли,

Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ,—

Сихъ узъ не разрушитъ могила.

Сей мыслью высокой украшена жизнь;

Я взоромъ смотрю благодарнымъ

На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,

На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я съ земли рубежа

На стороны лучшія жизни;

Сей сладкой надеждою мнѣ озаренъ,

Какъ небо сіяньемъ авроры.

Съ сей сладкой надеждою я выше судьбы,

И жизнь мнѣ земная священна;

При мысли великой, что я *человѣкъ*,

Всегда возвышаюсь душою.

А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...

О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,

Что лучшее въ жизни еще впереди,

Что *вѣрно* желанное будетъ;

Сей гробъ, затворенная къ счастью дверь

Отворится... жду и надѣюсь!

За нимъ ожидаетъ спутникъ меня,

На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

О, другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,

Искавъ наслажденій минутныхъ,

Ты вѣрные блага утратилъ свои—

Ты жизнь презирать научился

Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и

Дай руку: близъ вѣрнаго друга, [свѣтъ;

Съ природой и жизнью опять примиришь;

О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,

Все въ жизни къ великому средство:

И горестъ, и радость—все къ цѣли одной:

Хвала Жизнедавцу-Зевесу.“

На это стихотвореніе можно смотрѣть, какъ на программу всей поэзіи Жуковского, какъ на положеніе основныхъ принциповъ ея содержанія. Всѣ блага жизни невѣрны: стало быть, благо внутри насъ; здѣсь все происходитъ и измѣняется намъ: стало быть, неизмѣнное впереди насъ. Прекрасно! Но неужели же изъ этого слѣдуетъ, чтобы мы здѣсь сидѣли сложа руки, ничего не дѣлая, питааясь высокими мыслями и благородными чувствованіями?.. Эта односторонность, нравственный аскетизмъ, крайность и заблужденіе ультра-романтизма.. Какимъ образомъ человѣкъ можетъ идти «къ прекрасной, возвышенной цѣли», стоя на одномъ мѣстѣ и бесѣдуя съ самимъ собою о лучшей жизни на порогѣ своей хижины, въ виду мраморнаго гроба?.. И неужели эта «прекрасная, возвышенная цѣль» есть только лучшее счастье человѣка, а личное счастье человѣка только въ любви къ женщинѣ?.. О, если такъ, то, по закону совпаденія крайностей, эта любовь есть величайшій эгоизмъ!.. Смерть—дѣло слѣпного случая—похитила у насъ ту, которой обязаны были мы нашимъ земнымъ счастьемъ: не будемъ приходить въ отчаяніе—да и для чего? вѣдь это только временная разлука, вѣдь скоро мы опять женимся на ней—тамъ; сядемъ же на порогѣ нашей хижины, сложимъ руки и, не сводя глазъ съ ея гроба, будемъ восхищаться «полнымъ славы твореніемъ, красотой вселенной и будемъ утѣшать себя мыслью, что все дано намъ небомъ съ бытіемъ, и все въ жизни—средство къ великому, и что горе и радость—все къ одной цѣли!» Нѣтъ, и еще разъ—нѣтъ! Только вполнину истинна такая аскетическая философія! Законно и праведно требованіе человѣка на личное счастье; разумно и естественно его стремленіе къ личному счастью; но въ одномъ ли сердцѣ долженъ заключаться весь міръ его счастья? Вотъ вопросъ, на который не даетъ намъ рѣшенія поэзія Жуковского. Если бъ вся цѣль нашей жизни состояла только въ нашемъ личномъ счастіи, а наше личное счастье заключалось бы только въ одной любви: тогда жизнь была бы дѣйствительно мрачной пустыней, заваленной гробами и разбитыми сердцами, была бы адомъ, передъ страшной существованностью котораго поблѣднѣли бы поэтическіе образы земного ада, начертанные гениемъ суроваго Данте... Но—хвала вѣчному Разуму, хвала попечительному Промыслу! есть для человѣка и еще великій міръ жизни, кромѣ внутренняго міра сердца,—міръ историческаго созерцанія и общественной дѣятельности,—тотъ великій міръ, гдѣ мысль становится дѣломъ, а высокое чувствованіе—подвигомъ, и гдѣ два противоположные берега жизни—здѣсь и тамъ—сли-